

Иннокентий Федорович Анненский

Выполнила:

Щепина Надежда

11А

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

Серебряный век – образное название периода в истории русской поэзии, относящегося к концу XIX – началу XX века, данное по аналогии с золотым веком (первая треть XIX века). На авторство термина претендовали философ Николай Бердяев, поэты и критики Николай Оцуп, Сергей Маковский.

Хронологические рамки

Вопрос о хронологических рамках этого явления остаётся спорным. Условно серебряный век датируется 1890-ми гг. – первым двадцатилетием XX в. Если в определении начала Серебряного века исследователи достаточно единодушны – это явление рубежа 80-х – 90-х годов XIX века, то конец этого периода – вызывает споры. Одни исследователи полагают, что Серебряный век окончился с началом Гражданской войны. Другие полагают, что Серебряный век прервался в год смерти Александра Блока и расстрела Николая Гумилёва. Также, существует точка зрения, что концом Серебряного века можно считать рубеж 1920–1930-х годов, связанный с самоубийством Владимира Маяковского.

ТЕЧЕНИЯ. СИМВОЛИЗМ

Новое литературное направление — символизм — явилось порождением глубокого кризиса, охватившего европейскую культуру в конце XIX века. Кризис проявился в негативной оценке прогрессивных общественных идей, в пересмотре моральных ценностей, в утрате веры в силу научного сознания, в увлечении идеалистической философией. Русский символизм зарождался в годы крушения Народничества и широкого распространения пессимистических настроений. Все это обусловило тот факт, что литература Серебряного века ставит не злободневные социальные вопросы, а глобальные философские. На становление символизма в России повлияли две литературные традиции:

Российская — поэзия Фета, Тютчева, проза Достоевского.

Французский символизм — поэзия Поля Верлена, Артюра Рембо, Шарля Бодлера.

Основная мысль: искусство — средство познания мира.

Символизм не был однородным. В нём выделялись школы и течения

«СТАРШИЕ» И «МЛАДШИЕ»

«Старшие» символисты

К «старшим» символистам относятся:

Петербургские писатели Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, Ф. К. Сологуб, Н. М. Минский. В творчестве петербургских символистов поначалу преобладали упаднические настроения, мотивы разочарования. Поэтому их творчество иногда называют декадентским.

Московские поэты В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт.

«Старшие» символисты воспринимали символизм в эстетическом плане. По мысли Брюсова и Бальмонта, поэт — прежде всего творец сугубо личных и чисто художественных ценностей.

«Младшие» символисты

К «младшим» символистам относятся А. А. Блок, А. Белый, В. И. Иванов.

«Младшие» символисты воспринимали символизм в философско-религиозном ключе. Для них символизм был философией, преломленной в поэтическом сознании.

Биография

Иннокентий Фёдорович Анненский родился в 1855 г. в Омске, был сыном видного чиновника, образование получил в Петербурге. В университете он закончил классическое отделение и был оставлен при кафедре, но не сосредоточился на писании диссертации – и сделался преподавателем древних языков. Со временем он стал директором Царскосельского лицея, а впоследствии – инспектором Петербургского учебного округа.

Биография

Анненский был выдающимся знатоком в области античной литературы, сотрудничал в филологических журналах, посвятил себя переводу всего Еврипида на русский язык. В 1894 г. он опубликовал Вакханки, а затем и все остальное. Неслучайно им был выбран Еврипид – самый «журналистский» и наименее религиозный из трагических поэтов. Склад ума Анненского был в высшей степени неклассичным, и он сделал все, что мог, для модернизации греческого поэта. Но все это предоставило бы ему лишь малое место в русской литературе, если бы не его собственные стихи.

Биография

В 1904 г. он опубликовал книгу лирики (половина которой была занята переводами из французских поэтов и из Горация) под названием *Тихие песни* и под причудливым псевдонимом Ник. Т-О (одновременно и частичная анаграмма его имени, и – «никто»). Для него это еще и аллюзия на известный эпизод из Одиссеи, когда Одиссей говорит Полифему, что его зовут Никто. Для Анненского характерны такие дальние и сложно построенные аллюзии. *Тихие песни* прошли незамеченными, даже символисты не обратили на них внимания.

Тихие песни

Из заветного фиала
В эти песни пролита,
Но увы! не красота.
Только мука идеала.
Никто

ИДЕАЛ

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,
И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших
страницах
Постылый ребус бытия.

У ГРОБА

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Биография

Стихи Анненского продолжали время от времени появляться в журналах. Он выпустил две книги критических очерков, замечательных как тонкостью и проницательностью критических наблюдений, так и стилистикой. К 1909 году писатели стали понимать, что Анненский – необыкновенно оригинальный и интересный поэт. Его «подхватили» петербургские символисты и ввели в свои поэтические кружки, где он сразу стал одной из центральных фигур. Он был на пути к тому, чтобы стать влиятельным и знаменитым поэтом, когда внезапно скончался от сердечного приступа на Петербургском вокзале, возвращаясь домой, в Царское Село в ноябре 1909 года. К этому моменту он подготовил к печати вторую книгу стихов – **Кипарисовый ларец**, который вышел в свет в следующем году и среди русских поэтов стал считаться классическим.

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ

Трилистник обречённости

Будильник

Обручена рассвету

Печаль ее рулад...

Как я игрушку эту

Не слушать был бы рад...

Пусть завтра будет та же

Она, что и вчера...

Сперва хоть громче, глаже

Идет ее игра.

Но вот, уж не читая

Давно постылых нот,

Гребенка золотая

Звенит, а не поет...

Цепляясь за гвоздочки,
Весь из бессвязных фраз,
Напрасно ищет точки
Томительный рассказ,
О чьем-то недоборе
Косноязычный бред...
Докучный лепет горя
Ненаступивших лет,
Где нет ни слез разлуки,
Ни стылости небес,
Где сердце - счетчик
муки,
Машинка для чудес...

И скучно разминая
Пружину полчаса,
Где прячется смешная
И лишняя Краса.

Трилистник обречённости

Стальная цикада

Я знал, что она вернется
И будет со мной - Тоска.
Звякнет и запахнет
С дверью часовщика...
Сердца стального трепет
Со стрекотаньем крыл
Сцепит и вновь расцепит
Тот, кто ей дверь открыл...
Жадным крылом цикады,
Нетерпеливо бьют:
Счастью ль, что близко, рады,
Муки ль конец зовут?..

Столько сказать им надо,
Так далеко уйти...
Розно, увы! цикада,
Наши лежат пути.
Здесь мы с тобой лишь чудо,
Жить нам с тобой теперь
Только минуту - покуда
Не распахнулась дверь...
Звякнет и запахнет,
И будешь ты так далека...
Молча сейчас вернется
И будет со мной - Тоска.

Трилистник обречённости

ЧЁРНЫЙ СИЛУЭТ

СОНЕТ

Пока в тоске растущего испуга
Томиться нам, живя, еще дано,
Но уж сердцам обманывать друг друга
И лгать себе, хладея, суждено;
Пока прильнув сквозь мерзлое окно,
Нас сторожит ночами тень недуга,
И лишь концы мучительного круга
Не сведены в последнее звено, -

Хочу ль понять, тоскою пожираем,
Тот мир, тот миг с его миражным
раем...
Уж мига нет - лишь мертвый
брезжит свет...
А сад заглох... и дверь туда забита...
И снег идет... и черный силуэт
Захолодел на зеркале гранита.

КИПАРИСОВЫЙ ЛАРЕЦ СКЛАДНИ и РАЗМЕТАННЫЕ ЛИСТЫ

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

ДВЕ ЛЮБВИ

Есть любовь, похожая на дым:
Если тесно ей — она дурманит,
Дай ей волю — и её не станет...
Быть как дым — но вечно
молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днём у ног лежит — тебе
внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и
день...

ЧЁРНАЯ ВЕСНА

(Таает)

Под гулы меди - гробовой
Творился перенос,
И, жутко задран, восковой
Глядел из гроба нос.
Дыханья, что ли, он хотел
Туда, в пустую грудь?..
Последний снег был темно-бел,
И тяжек рыхлый путь,

И только изморозь, мутна,
На тление лилась,
Да тупо Черная Весна
Глядела в студень глаз -
С облезлых крыш, из бурых ям,
С позеленевших лиц.
А там, по мертвенным полям,
С разбухших крыльев птиц...
О люди! Тяжек жизни след
По рытвинам путей,
Но ничего печальней нет,
Как встреча двух смертей.

АНАЛИЗ

Бессмысленное сцепленное существование человека и природы возникает у Анненского во многих стихотворениях, и в каждом он рассматривает эту тему с разных углов. Первые строки уже задают тон всему произведению и вводят читателя в мрачное состояние. В «чёрной весне» похороны описываются с явными гоголевскими чертами: «глядел из гроба нос» - нос, который смотрит как человек, далее, отделённый от остального тела, «дыханья что ли он хотел». Эта параллель помогает автору создать более мистическую картину. Тут же Анненский начинает разыгрывать не только тему смерти человека, но и умирающей зимы: «Последний снег был тёмно-бел, и тяжек рыхлый путь». «Последний снег» и «последний путь» перекликаются, снег приобретает траурное значение. Изморозь льётся на тление, но стоит задать вопрос, чьё именно тление имеется ввиду? Последние строки подсказывают, что и мертвеца, и зимы, таким образом человек и природа объединяются в одну трагическую картину. Встречаются два взаимно бессмысленных взгляда: человек смотрит на природу с помощью безразличного «студень-глаза», а чёрная весна «тупо» смотрит на него в ответ.

Далее идёт очень точное описание ранней северной весны, как мы знаем, стихотворение было написано в городе Тотьма Вологодской губернии. Вновь перекликаются со смертью «бурые ямы». Поэт изменяет привычный нам смысл символов: весна должна нести радость пробуждения, первую зелень, пение птиц, но вместо этого «мертвенные поля» и страшное «разбухшие» крылья птиц снова относится к характеристике мёртвого тела, а уж образ зелени вводится совсем неожиданно - через позеленевшие лица людей похоронной процессии. Стихотворение заканчивается прямой аллегорией: «О люди! Тяжек жизни след

По рытвинам путей,

Но ничего печальней нет,

Как встреча двух смертей»

АНАЛИЗ

Анненский умело работает с традиционными многовековыми культурными символами, придавая им обратный смысл. Так, помимо явно указанных в стихотворении образов мы можем увидеть и более скрытые. Дата написания стихотворения совпадает с еврейской пасхой в 1906 году, что, вероятно, не случайно. У Анненского есть стихотворение «Вербная неделя»:

«В желтый сумрак мертвого апреля,
Попрощавшись с звездною пустыней,
Уплывала Вербная неделя
На последней, на погиблой снежной льдине;
Уплывала в дымах благовонных,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами
И от Лазарей, забытых в черной яме...».

В этом стихотворении присутствуют схожие мотивы, и оно помогает лучше понять «чёрную весну». У Анненского Лазарь не воскресает, не происходит никакого божественного вмешательства, есть только бессмысленная чёрная смерть человека и природы.

Скрипка

VILLA NAZIONALE

Смычка заслушавшись, тоскливо
Волна горит, а луч померк, –
И в тени душные залива
Вот-вот ворвется фейерверк.
Но в мутном чаяньи испуга,
В истоме прерванного сна,
Не угадать Царице юга
Тот миг шальной, когда она
Развяжет, разоймет, расщиплет
Золотоцветный свой букет
И звезды робкие рассыплет
Огнями дерзкими ракет.

<1890>

Смычок и струны

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Каксаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!
Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.
«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно, ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся?
довольно...»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было
больно.
Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все
держалось...
И быбло мукою для них,
Что людям музыкой казалось.
Но человек не погасил
До утра свеч... И струны
пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.